

Мария СИВИЦКЕНЕ

О ДВУЯЗЫЧИИ СЕЛЬСКОГО РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛИТОВСКОЙ ССР

В многонациональной Советской Литве широко развито двуязычие (билингвизм). Среди основного населения республики оно представлено как: литовско-русское, литовско-латышское, литовско-белорусское, литовско-польское, литовско-караимское, литовско-немецкое и др. (Подробнее об этом см.: Karaliūnas S., Vidugiris A., 1970, а также Видугирис А., Каралюнас С., 1972.) Наиболее широко представлено литовско-русское двуязычие. По данным переписи населения 1970 г. (1973, с. 273), литовско-русские билингвы составляют 34,83% общего числа литовского населения республики. Билингвами такого вида являются половина (51,10%) городских жителей и 21,02% сельского литовского населения.

Поскольку русский язык в СССР выполняет функцию межнационального общения, то социальная значимость и роль такого билингвизма становятся сами по себе понятными. Особенности исторического развития нашей страны обусловили распространение русского языка среди всех наций и народностей. Такому его распространению содействует широкая расселенность русского населения по всей территории Советского Союза. (О других исторических факторах, выдвинувших русский язык в качестве языка межнационального общения в СССР, см. Исаев М. И., 1977.) На территории союзных республик проживает 21,3 млн. русских, что в условиях осуществления ленинской национальной политики вызвало появление русско-национального, а в данном случае русско-литовского билингвизма.

По данным переписи населения 1970 г. русско-литовский билингвизм представлен так: литовским языком владеет 30,77% из проживающих в республике 267 989 русских. Наблюдается большое различие между горожанами и жителями сельской местности: русско-литовское двуязычие меньше развито среди городского населения (билингвы составляют 28,73%) и больше — среди сельского (количество билингвов составляет 42,26% русского населения сел Литвы).

Русско-литовское двуязычие в Литовской ССР, таким образом, является двусторонним или обоюдным, однако преобладает литовско-русское двуязычие.

Сектор русско-литовского двуязычия, несомненно, в значительной степени увеличивается за счет сельских русских старожилов Литвы, которые и были объектом нашего наблюдения. По происхождению это потомки старообрядцев, которые пришли на эту территорию (и соседние с ней) в связи с расколом русской православной церкви в конце XVII в., выходцы из северо-западных областей России (Псков, Новгород, Тверь), до сих пор сохранившие свои обычаи и язык (говор). Русское население прибывало сюда в течение XVIII в. и позже. Большое количество русских было переселено в Литву после подавления польско-литовского восстания 1831 г. Колонизация усилилась после восстания 1863 г. (Станкевич А., 1909).

Наибольшее количество русского населения проживает в Зарасайском, Ионавском, Швенчёнском, Рокишкском и Игналинском районах республики. Это места первичного и давнего поселения русских. Русские старожилы встречаются также и в других районах, например, в Каунасском, Кельмеском, Молетском, Шяуляйском, Аникщайском, однако их процент здесь очень невелик (от 2 до 4). Еще меньше такого населения проживает в Шилутском, Кедайнском районах. Русские поселенцы появились в этих местах позже, в конце XIX или начале XX веков в результате переселения из окраин восточных частей Ковенской и Виленской губерний (Лидского, Тракайского и других уездов).

Русские села большими или меньшими островками разбросаны на территории ряда районов Литовской ССР. Характер контактирования носителей русского языка (говоров) с литовским языком с точки зрения их размещения на территории литовского языка можно определить как внутреннее (внутрирегиональное) контактирование языковых островов, вкрапленных в иной языковой массив. В настоящее время характерна национальная разнородность жителей села в некоторых районах. Нередко в одном населенном пункте проживают представители нескольких национальностей: русские, литовцы, поляки, белорусы. Вперемежку расположены усадьбы литовцев, поляков, русских среди лесов и озер Игналинского, Зарасайского, Молетского районов.

В этих условиях постепенно развилось русско-литовское двуязычие. Особенно оно возросло за последние 30 лет. По социологической классификации его можно определить как контактное двуязычие местного значения (Дешериев Ю. Д., 1966). Оно является групповым и неполным. Наряду с билингвами встречаются и монолингвы. Последних больше в районах более компактного и изначального размещения русского населения. Билингвов больше в местах вторичного заселения (напр., Шяуляйский р-н), а также в отдельных, небольших населенных пунктах и на хуторах, расположенных среди литовского населения. Сопоставление владеющих литовским языком жителей двух русских деревень Райстинишкес (Raistiniškės) Зарасайского района и Смильгяй (Smilgiai) Шяуляйского района по данным переписи населения 1970 г. (в листах переписи значилось „свободно владеет“) выявило такое соотношение: в Райстинишкес половина жителей — билингвы, в Смильгяй — более трети. В Амаляй (Amaliai) Шяуляйского р-на двуязычным является почти все население (из 205 человек монолингвов только 16). Среди русских старожилов широко развито русско-польское двуязычие.

В проявлении двуязычия немаловажное значение имеют и возрастные особенности населения. Монолингвы — это прежде всего дети дошкольного возраста и школьники начальных классов, часть женского населения старшего возраста (начиная с 1911 г. рождения и старше).

Русско-литовское двуязычие русского населения сел Литвы разнообразно с точки зрения степени овладения литовским языком, т. е. по числу приобретенных умений и навыков литовской речи. Наряду с продуктивным типом двуязычия широко представлены репродуктивный (воспроизводящий) и рецептивный (воспринимающий) типы (Верещагин Е. М., 1969). Многие жители русских сел лишь понимают литовскую речь (в различной степени).

Приведем несколько высказываний представителей разных районов и деревень. В непринужденной обстановке они сами оценивают знание литовского языка*:

* Фамилия информатора не указывается. В текстах сохранены некоторые диалектные особенности.

По-литовски все понимаю. Я неграмотный. 1909 г. рожд., Игналинский р-н, д. Рамутишке.

А вот я по-литовски не понимаю, мало, мало, совсем мало. Женщина, около 60 лет, Игналинский р-н, д. Рамутишке.

А в нас таперь кажная моги́т по-литовски. Женщина, около 65 лет, Зарасайский р-н, д. Снегишкес.

Разговаривать по-литовски не веем, только одно другое. Мои дети вмеют говорить. Женщина, 78 лет, Зарасайский р-н, д. Сантакай.

Всяка могим разговаривать и по-литовски. Женщина, 65 лет, Зарасайский р-н, д. Пожеймис.

А я хоть и неграмотная, понимаю все по-литовски, хорошо понимаю и говорю по-польски. Женщина, 1885 г. рожд., Игналинский р-н, д. Дантишке.

Можем по-литовски и по-польски... Язык знать хорошо, не мешает, за плечам не висит. Женщина, 1921 г. рожд., Ионавский р-н, д. Перелозай.

По-польски, по-литовски говорить могу. Женщина, 1906 г. рожд., Игналинский р-н, д. Протупенай.

По-литовски понимать понимаю, но говорить тяжело. Женщина, 1898 г. рожд., Молетский р-н, д. Спаскос.

Хош по-литовски, хош по-русски, болтаю по-польски... Читаю я как хочеш по-литовски, по-русски. Мужчина, 1901 г. рожд., Молетский р-н, д. Кулинай.

Я могу говорить по-литовски. Не мог так это было бы странно... Книги читаю, могу по-литовски. По-русски мне легче. Мужчина, 1896 г. рожд., Молетский р-н, д. Спаскос.

Мы выросли здесь, так с мамашкой говорим на русском, а так — по-литовски, и читать можем. Мужчина, 1924 г. рожд., Молетский р-н, д. Кевяляй.

Немножко знаю литовский, понимаю, отказать (ответить) тяжко. А баба как с соседками так глаголить и по-русски и по-польски и по-литовски. Мужчина, 1899 г. рожд., Молетский р-н, д. Новасодай.

Русские, али по-литовски и пишем, и говорим, и читаем немного, а по-русски говорим, али не пишем. Женщина, 1924 г. рожд., Ионавский р-н, д. Булотаи.

У нас семья помешанная, и по-русскому и по-литовскому и по-польску говорят. Мужчина, 1902 г. рожд., Ионавский р-н, д. Варпяй.

Приведенные высказывания еще раз говорят о наличии среди сельского русского населения монолингвов и неоднородности его двуязычия: от частичного понимания устной литовской речи до свободного владения языком и умения читать литовский текст. Существующая классификация двуязычия по числу умений и навыков речи на вторичном языке кажется слишком общей в приложении к живому процессу развития и проявления его в условиях внутрирегионального естественного контактирования языков. Верна мысль о том, что сравнительная степень владения двумя языками вообще не может быть точно сформулирована в чисто лингвистических терминах (Вайнрайх У., 1972).

Наиболее принятым является определение билингвизма у У. Вайнрайха: „Практика попеременного использования двух языков называется билингвизмом, а соответствующее лицо — билингвом“ (Weinreich U., 1968). За основу его принимают и другие исследователи, например Е. М. Верещагин (1969): „...носитель двух систем общения (т. е. человек, способный употреблять для общения две языковые системы) называется билингвом (буквально: двуязычным), а умения, присущие билингву — билингвизмом“.

В основе территориально-диалектных и социолингвистических исследований лежат наблюдения над речевым поведением не индивида, хотя исследо-

вание начинается только с него, а целого речевого коллектива или языковой общности (см. об этих терминах Швейцер А. Д., 1976). Следовательно, понятие билингвизма распространяется на группу или коллектив людей — на сумму единиц, обычно неоднородных в этом отношении. Появляется необходимость в более обобщенном определении понятия билингвизма.

Так, М. М. Михайлов определяет билингвизм как способность отдельного индивида или народа в целом, или его части общаться (добиваться взаимопонимания) на двух языках (Михайлов М. М., 1969). По словам Ф. П. Филина (1970, с. 202): „Двуязычие в широком смысле — относительное владение вторым языком, умение им в том или ином объеме пользоваться в определенных сферах общения (научной, производственной, бытовой и т. п.)“.

Двуязычие в рассматриваемой нами ситуации следует понимать несколько обобщенно: не все русские старожилы владеют вторым, литовским языком, но всем приходится его слышать и встречаться с ним в сфере производственной деятельности, общественной жизни, в процессе совместного труда (в колхозе, в совхозе), в школе, в радиопередачах, в телевидении. Развитию двуязычия способствует сама обстановка. Все это содействует возникновению хотя бы рецептивного билингвизма, т. е. понимания литовской речи.

Для внутрисемейного общения (в несмешанных семьях) используется обычно первичная языковая система. Часть русского населения любого населенного пункта в определенных ситуациях общения может переходить на вторичную языковую систему. Литовский язык используется русскими при общении с местным литовским населением в быту, в колхозном или совхозном производстве, в учреждениях, учащимися — в школе, в высших учебных заведениях. Полифункциональность литовского языка в республике вызывает развитие русско-литовского двуязычия у русской части жителей республики в целом и у сельского населения в особенности.

Казалось бы, имеются все условия для развития полного продуктивного русско-литовского двуязычия среди русских старожилов сел Литвы. Обстоятельствами, наиболее содействующими этому, являются давность переселения и островной характер размещения переселенцев среди иноязычного населения. Однако период полного продуктивного двуязычия не наступил до настоящего времени. Тем более нельзя говорить о смене языка. Это обусловлено социальными факторами, важностью функции русского языка как средства межнационального общения, наличием литовско-русского билингвизма. В целом по Литве 21% литовского сельского населения владеет русским языком. В местах скопления русского населения (постоянных жителей и приезжающих на лето в озерный край Литвы из Ленинграда, Москвы и др. мест) — Швенчёнский, Игналинский, Зарасайский районы — число литовско-русских билингвов возрастает до 40% (см. также Михальченко В. Ю., 1976). С развитием литовско-русского билингвизма ослабевает необходимость в быстром становлении полного продуктивного русско-литовского билингвизма.

Изолированность языкового острова сыграла определенную роль в том, что период однородного продуктивного двуязычия для рассматриваемой группы населения не наступил. Изучаемые языковые острова изолированы только от континента русского языка. Это лишь территориальная разобщенность, а не языковая. Эти острова не изолированы от воздействия русского литературного языка в советскую эпоху, когда он является языком межнационального общения, не всегда были ограждены от его воздействия и в прошлом. Литературная форма русского языка распространяется и на языковые острова на территории национальных республик через школу, кино, печать, радио, телевидение. Нередко члены семей русских старожилов оканчивают

средние школы и вузы в городах республики и за ее пределами. Все это поддерживает „сверху“ русские говоры, влияет на длительность их сохранения в условиях естественного контактирования с литовским языком и развитие русско-литовского билингвизма.

Сельские русские жители сталкиваются с двумя разновидностями литовского языка: 1. Слышат и употребляют ту разновидность, на которой общается местное литовское население, т. е. устно-диалектный вариант. 2. Слышат и усваивают нормированную литовскую речь через школу, радио, телевидение, печать.

Поскольку среди русско-литовских билингвов имеется большое количество умеющих писать и читать по-литовски, наблюдается тенденция к усвоению нормированной литовской речи. Из уст таких билингвов не раз приходилось слышать „критические“ замечания относительно местного, диалектного произношения. Например: *Тут гвар'ам көрвё, а мы гвар'им көрвё* (корова). Биржайский р-н, д. Кведоришкес.

Однако многие диалектные черты литовского языка сохраняются не только в литовской, но и в русской речи русских старожилов Литвы. Прежде всего это касается фонетики и лексики. В речи билингвов, проживающих в ареале действия определенных диалектных явлений, отражаются эти явления. Так, в речи носителей русских говоров Игналинского района отмечается депалатализация согласных. *М'эдал'ин у нас, л'юд'и работ'эют в м'эдал'ин'е* (дер. Терасишке и др.), литовское литературное с мягким *d*: *medelýnas* (плодопитомник). Ср. *меделин* с мягким *d > dz* в речи представителей русского говора Ионавского р-на: *полный базар ищапёв* (черенков) с *м'эдз'ал'ина нэв'азл'и* (Немченко В. Н., 1960, 391). Возможно, диалектным расхождением следует объяснять также произношение *бря* и *вбря* (*úoré* — повозка с высокими грядами для возки сена, соломы и т. п.), отмеченное главным образом в Молетском р-не; *керяпла* (*kerėpla* — нерасторопный, неуклюжий человек), зафиксированное в Игналинском р-не. Диалектные лексемы *грынм грүптас* 'комок сошедшей земли', *крючка kručkà* 'брюква', *лашка laškà* 'кровать', *убагýня ubagýnė* в значении 'дом престарелых' и некоторые другие встречаются в местах их распространения в литовских говорах. В литовскую речь русских билингвов или в русскую диалектную речь они вошли из окружающих говоров литовского языка в результате непосредственного устного общения с местным литовским населением.

Контактное двуязычие сельского русского населения, литовское языковое окружение обусловили интерференцию со стороны литовского языка в системе русских говоров. Интерференция литовского языка проявляется здесь как материальное и модельное влияние, или калькирование, в виде оживления и поддержки некоторых диалектных грамматических форм и конструкций, в виде нарушений или отклонений в какой-нибудь подсистеме — в зависимости от уровня системы говора, на котором она сказывается. (Некоторые из этих вопросов затрагивались в работах: О. Н. Шулене, 1965; М. К. Сивицкене, 1974.) Заметнее всего интерференция литовского языка в лексике.

Под лексической интерференцией понимаются вызванные межъязыковыми контактами изменения в составе лексического инвентаря, а также в функциях и употреблении лексико-семантических единиц, в их смысловой структуре (нами разделяется мнение Жлуктенко Ю. А., 1974). Наиболее ярко выраженным типом лексической интерференции в рассматриваемой нами ситуации языкового контактирования является переход (перемещение) литовских слов и сочетаний в русскую речь. Причины перемещения литуанизмов разные, различными являются эти слова по своей номинативной функции. Среди них находим наименования местных реалий быта, лиц и социальных явлений,

характерных для быта литовцев, например: *бульбэня* || *бульвэня* *bulviėnė* 'картофельный суп'; *вядэры* *vėdarai* 'кушанье' (кишки, начиненные тертым картофелем или крупой); *кўгель* *kūgelis* 'запеканка из тертого картофеля'; *скилэндис* *skilāndis* 'свиной желудок, начиненный мясом, копченый, сычуг'; *скрўли* *skrūliai* 'кушанье из мучного теста, раскатанного и порезанного квадратиками или ромбиками'; *шалтаносы* *šaltanōsiai* 'кушанье, род вареников'; *клўмпы* || *клўмпы* || *клўмпы* *klūmpės* 'деревянные башмаки'; *нагини* || *нўгини* *nāginės* 'кожаная обувь с оборками, постолы'; *кары* литов. диалект. *kārai, karai* 'телега с высокими грядами для возки сена, соломы'; *нўвадас* *nūovadas* 'участковый начальник полиции'; *снўнас* *senīnas* 'сельский староста'; *куметўн* *kumetūn* 'дом, где жили батраки'; *трабэльник* *trobėlninkas* 'безземельный или малоземельный крестьянин в прошлом'; *крўзю мўмай* *križiū metai* 'годы кризиса' и др.

Однако большинство лексических литуанизмов употребляется в речи сельского русского населения как вторичные наименования разных явлений окружающей жизни, предметов, лиц, действий и признаков. Литуанизмы приходят не на свободное место в лексико-семантической системе говора, а как „проникновения“ (по терминологии Мартынова В. В., 1963), образуя синонимическую или дублетную пару с автохтонным словом; семантической самостоятельностью они не обладают. Приведем лишь несколько таких литуанизмов: *амар* *āmaras* 'тля'; *балновать* *balnōti* 'седлать коня'; *вагá* *vagà* 'борозда'; *вансвá* *vapsvà* 'оса'; *гáндрас* *gaĩdras* 'аист'; *дўмбла* *duĩblas* 'ил'; *лигóтый* *ligótas* 'болезненный, больной'; *лўсва* *lūsvė* 'грядка, гряда'; *лўн* *liūnas* 'топкое место, трясина'; *намóвый* *naminis* 'домашнего изделия'; *пáданга* *pardangà* 'покрышка, шина'; *пардавэя* *pardavėja* 'продащица'; *плянт* *pleĩtas* 'шоссе'; *равэя* *ravėtoja* 'полольщица'; *траны* мн. ч. *trānas* 'трутень'; *шэшур* *šėšuras* 'отец мужа'; *шлўры* *šliūrės* 'домашние туфли, тапочки'. Легко выделяется группа слов, обозначающих понятия и явления социальной жизни, названий учреждений, лиц по роду занятий, понятия, связанные с обучением в школе, с бытом школьников и т. п., например: *пóседис* *pósėdis* 'заседание'; *вальдўба* *valdūba* 'правление' (колхоза или совхоза); *дарбáдень* *darbādienis* 'трудодень'; *склп* *sklūpas* 'приусадебный участок'; *атóсмогу* *atostogos* 'отпуск, каникулы'; *гўриник* || *гўриник* *girininkas* 'лесничий, заведующий лесничеством'; *ўквядис* *ūkvedīs* 'завхоз'; *гягужўня* *gegužinė* здесь 'гуляющая на природе'; *пáтайса*, *пáтайсы* *pataisà, -os* 'перезкзаменовка в конце летних каникул'; *спáлвы* *spalvos* 'цветные карандаши'; *тринтўк* *trintūkas* 'резинка для стирания' и т. д. (см. также Немченко В. Н., 1968).

Приведенные слова неодинаковы по частоте употребления и степени освоения лексической системой говоров. Некоторые из них зафиксированы лишь в единичных случаях и неповсеместно. Это говорит о небольшой функциональной слабости соответствующих им русских лексем. Частота воспроизведения других русских лексем значительно уменьшилась, вместо них или наряду с ними выступают литовские лексемы, напр.: *вага*, *думбла*, *лўн*, *склп* и т. д., которые по употребляемости и освоению становятся заимствованными, или интегрированными. Использование литуанизмов связано со степенью развития двуязычия у отдельного лица или населенного пункта в целом. Сами говорящие объясняют это легкостью их воспроизведения: „Говорка в нас мешаная, много слов литовских, легче так говорить“ (Шяуляйский р-н, д. Смильгяй, 75 лет).

Имеет значение ситуация речи и тема. В разговоре о повседневной жизни, о текущих делах чаще употребляется литовское слово, в разговоре о прошлом, при иной временной отнесенности событий обычно выступает русское слово,

как и в тех случаях, когда говорящий хочет вспомнить, как говорили раньше „по-русски“.

Кроме рассмотренных иноязычных слов, охарактеризованных как заимствования и проникновения, в речи русского сельского населения встречаются литовские слова и выражения, употребляемые в конкретном случае. Они полностью осознаются говорящими как чужое, иноязычное вкрапление; это — окказионализмы, или используемые лексемы (Верещагин Е. М., 1968). Введение их в речь еще теснее связано с двуязычием конкретного лица. Для таких иноязычных слов и сочетаний мало характерна соотнесенность с грамматическими классами и категориями заимствующего языка. Используемое слово обычно встречается лишь в одной или двух формах русского языка, но может выступать и в исходной литовской форме независимо от требований предложения. Приведем примеры: *Рабóчийе нълат'ин'и ѓтът л'ес ср'азáйут* (Аникщяйский р-н, д. Пранчишкяй); *nuolatiniai* 'постоянные'. *Укóлы мн'е дайút, п'артраўку д'эл'гáйут* (там же, д. Паэжеряй); *pértrauka* 'перерыв'. *Истáт'иму в'адút такáйу...* (Зарасайский р-н, д. Валентишке); *įstatymas* 'закон' *А гд'е вы там нъл_кварт'уры, в_в'ежбу́т'ис ил'и абичажу́т'ийи?* (Биржайский р-н, д. Кведоришкис); *viešbutis* 'гостиница'; *А памóm пашóл'йа нъл_стат'уба, дл'ч_л'уд'ах дамá стрóйли* (Зарасайский р-н, д. Дягучяй); *statyba* 'строительство'.

В русском тексте возможны также терминологические литовские сочетания, вкрапления в виде цитат. Последнее обычно наблюдается при передаче разговора-диалога на литовском языке. Например: *Пóлку с рагáм су рагáчiais б́удут т́нцáвáт'* (Аникщяйский р-н, д. Вешинтос). *Ан'и мн'е ѓвар'át — ф kario ligoninė náдч* ('госпиталь'; Ионавский р-н, д. Киселишкес); *ф'арá ваз'ул'и пóчтэр, kultūrinė žalė vаз'ул'и (kultūrinė žolė; Молетский р-н, д. Кевеляй). Нъл_глазú б'ал'мо стáла, врач'у rizikuosim сказáл'и (rizikuoti* 'рисковать', Ионавский р-н, д. Ужусаляй). ... *А нас атпунст'ул дамóй: aikit namo (eikit namo* 'идите домой', Зарасайский р-н, д. Дягучяй). Для такого вкрапления иноязычных слов и выражений необходимо наличие продуктивного или по меньшей мере репродуктивного (воспроизводящего) типа русско-литовского билингвизма.

Кратко рассмотренные особенности лексической интерференции литовского языка в речи русского сельского населения Литвы являются результатом длительного естественного контактирования языковых островов в иноязычном окружении и широко развитого билингвизма.

Литература

- Karaliūnas S., Vidugiris A. Bilingvizmo tipų Lietuvos TSR klausimu. — Mūsų vardų kultūra. V., 1970, sąs. 19.
- Weinreich U. Languages in Contact. Mouton, 1968.
- Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. VI.
- Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма), МГУ, 1969.
- Верещагин Е. М. О проблеме заимствования фонем. — В кн.: Язык и общество. М., 1968.
- Видугирис А., Каралюнас С. К вопросу о типах двуязычия в Литовской ССР. — В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.
- Дешериев Ю. Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. — М., 1966.
- Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. — Киев, 1974.
- Исаев М. И. Решение национально-языковых проблем в советскую эпоху. — ВЯ, 1977, № 6.
- Итоги всесоюзной переписи населения 1970 г. — В кн.: Национальный состав населения СССР. М., 1973. Т. 4.

- Мартынов В. В.** Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. — Минск, 1963.
- Михайлов М. М.** Двужычье. (Принципы и проблемы.) — Чебоксары, 1969.
- Михальченко В. Ю.** Четвертая ступень литовско-русского двуязычия. — В кн.: Развитие национально-русского двуязычия. М., 1976.
- Немченко В. Н.** Говор русских старожилов Ионавского р-на Литовской ССР. Канд. дис. Машинопись. Вильнюсский гос. университет, 1960.
- Немченко В. Н.** Диалектная лексика в русских старожильческих говорах Литвы, общая с лексикой литовского языка. — Учен. записки Латвийского гос. университета. Рига, 1968, т. 92.
- Сивицкене М. К.** Об одном случае морфологической интерференции. (На материале русско-литовского диалектного контактирования.) — Филологические науки, 1974, № 6.
- Станкевич А.** Очерк возникновения русских поселений на Литве. — Виленский временник. Кн. IV. Русские поселения Ковенской губернии. — Вильна, 1909.
- Филин Ф. П.** История общества и развитие двуязычия. — Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка, 1970, т. 29, вып. 3.
- Швейцер А. Д.** К разработке понятийного аппарата социолингвистики. — В кн.: Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
- Шулене О. Н.** Синтаксис русского говора Зарасайского района ЛитССР. (Простое предложение.) Канд. дис. Машинопись. Вильнюсский госуниверситет, 1965.

Кафедра русского языка
Вильнюсский госуниверситет
им. В. Капсукаса

DĖL LIETUVOS TSR KAIMO RUSŲ GYVENTOJŲ BILINGVIZMO

Reziumė

Straipsnyje apžvelgiami Lietuvos kaimo rusų gyventojų dvikalbystės klausimai. 1970 m. gyventojų surašymo duomenimis, rusų—lietuvių dvikalbiai sudaro 42,26% kaimo visų rusų gyventojų skaičiaus. Daug rusų nuo seno gyvena Zarasų, Ignalinos, Švenčionių, Rokiškio, Jonavos rajonuose. Tai palikuonys sentikių, kurie ėmė keltis į Lietuvą XVII a. pabaigoje. Gyvendami tarp lietuvių ir bendraudami su jais, susidurdami su lietuvių kalba visose sferose (buitis, vidurinė ir aukštoji mokykla, gamyba, spauda, radijas, televizija ir t. t.), daugelis vietinių rusų tapo dvikalbiais (įvairaus laipsnio). Jie daugiau ar mažiau kalba ar supranta lietuviškai.

Dvikalbystės rezultatas yra lietuvių kalbos interferencija vietinėje rusų kalboje. Labiausiai ji pasireiškia leksikoje. Kalbėdami savo gimtąja kalba, rusai vartoja daug lietuviškų skolinių, okazionalizmų, įterpia ištikus lietuviškus sakinius ar žodžių junginius.